

А. В. Егоров, А. Е. Загребин

**БЕРНАТ МУНКАЧИ, ВОЙНА, МИР
И ФИННО-УГОРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматривается история научных поисков венгерского ученого Берната Мункачи, начиная с самых ранних его экспедиций. Первая научная поездка Мункачи и И. Куноша состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Маршрут экспедиции к удмуртам вел Мункачи от г. Сарапула через с. Люк в Мултан, Зуру, Балезино к глазовским удмуртам. Побывав в удмуртских деревнях на башкирских землях, он старался максимально широко охватить этнический и языковой ареалы удмуртов. Завершающим этапом его трехмесячного путешествия стала работа среди елабужских удмуртов. В марте 1888 г. Б. Мункачи отправился в длительную экспедицию в Западную Сибирь к обским уграм. Отдельное место в статье занимает анализ антропологических и этнографических исследований, проведенных австро-венгерскими и немецкими учеными в годы Первой мировой войны. Основу исследований составили записи фольклорно-лингвистических материалов от пленных информантов в 1915–1917 гг., проводившиеся с использованием звукозаписывающего оборудования. Записи удмуртов оказались самыми обширными среди представителей финно-угорских народов. Несомненная заслуга в этом принадлежит лингвисту и этнографу, академику Бернату Мункачи.

Ключевые слова: Бернат Мункачи, Первая Мировая война, Австро-Венгрия, военнопленные, удмурты, звукозаписи, фольклорные материалы, лингвистические материалы, Фонограммархив.

Сто лет назад подошла к концу война, охватившая немыслимые ранее пространства и людские массы, впервые превратив боестолкновения в почти технологический процесс. Многомиллионные разноязыкие армии противоборствующих континентальных империй и включившихся в затянувшийся европейский спор США поставили под ружье вчерашних горожан, крестьян, скотоводов-кочевников и лесных охотников. В коллективной форме и приказном порядке прежде говорившие на негромком языке своей земли, мирные пахари приобщались к отрывистой гулкой речи модерного общества (см., напр.: [Загребин 2016]). Привычная со школьных лет этнографическая карта мира оживала, вливалась

в маршевые роты, оседала в окопах, вскидывалась в атаках, страдала в госпиталях, ожидала возвращения на родину из плена.

Ни одна из сторон конфликта не была готова к размещению и занятию каким-либо полезным делом такого числа пленных. После тяжелых боев лета-осени 1914 г. в Сербии, Галиции и Карпатах власти Австро-Венгрии также должны были в кратчайшие сроки решить задачу по устройству тысяч военнопленных. 1 сентября 1914 г. будапештская газета “Magyar Hírlap” сообщала: «Три поезда дальнего следования ночью и сегодня утром привезли российских военнопленных в Будапешт. Сюда прибыло тысяча шестьсот русских солдат... Обычно русский солдат выглядит доброжелательным... Это было видно и тогда, когда их выгрузили на вокзале Ракошрентезё. Красиво, с терпеливым повиновением они выстроились в линию в два ряда, и с благодарностью приняли черный хлеб и чай, которые им предложили. Наше командование, уделяя особое внимание, трижды в день давало русским чай, поскольку это был их главный национальный напиток. Сухого хлеба и чая полностью достаточно для того, чтобы российский солдат чувствовал себя хорошо. Русские солдаты занимают место на неструганных скамьях возле железнодорожной станции и пьют из медных шаек свой национальный напиток. Те из них, кто в сражении потерял свою шапку, могли принимать пищу из нашей белой жестяной посуды, а те, кто еще до пленения потерял свою, очень обрадовались нашей посуде. Эти люди очень терпеливы, но большинство из них было уже немолодо» [Daniss 2014]. Склады, полигоны, иногда просто пустыри окутывались колючей проволокой, застраивались жилыми бараками, кухнями и мастерскими. Летом пленных разбирали по сельским домохозяйствам, где они заменяли ушедших на фронт мужчин. Некоторым смельчакам удавалось бежать* (см. об этом: [Денисов 1919]; [Ившин 2015]). Большинству же предстояло жить в неволе вплоть до конца этой четырехлетней войны. Хотя случались неожиданные исключения, скрашивавшие жизнь заключенных.

В декабре 1928 г. профессор Хельсинкского университета Ю. Вихманн, выступая на годичном собрании Финно-угорского общества с докладом о значении мировой войны в судьбах родственных народов, первым рассказал о научных результатах, полученных в ходе работы ученых в лагерях для военнопленных [Wichmann 1930, 10–19]. Там же прозвучало имя венгерского исследователя Берната Мункачи, собиравшего фольклорно-этнографические материалы среди российских военнопленных. С тех пор изучение истории финно-угорских исследований в условиях милитаризованной несвободы продвинулось вперед [Денисов, Загребин 2015; Денисов, Егоров, Загребин, Шереш 2016; Zagrebín, Šmigel', Žerebtsov 2017]. Расскажем более подробно о человеке, которому наука обязана не только созданием фундаментальных сводов народной поэзии обских ургов и удмуртов, но и появлением гуманитарного вектора научной деятельности.

* Одним из произведений ранней удмуртской литературы является биографический очерк участника Первой мировой войны Алексея Денисова о пребывании и побеге из германского плена. Текст травелога совмещен автором с реализмом, а местами с натурализмом, когда человек во власти неблагоприятных обстоятельств постепенно познает их природу и учится им противостоять.

Путь в науку. Бернат Мункачи (Бернхард Мунк) родился в 18-й день месяца Адар (12 марта) в трансильванском г. Надъварад (ныне г. Орадя, Румыния) в семье, чьи предки, с давних пор жившие в Верхней Венгрии, держались ортодоксального иудаизма. Даже приняв хунгаризированную форму семейной фамилии Мунк, он оставался верен религии предков и, будучи уже известным ученым, совмещал научную работу с должностью инспектора еврейских школ Пештского округа [Kozmács 2010, 173]. В гимназическом возрасте он обнаружил в себе способности к языкам, занимаясь турецким, а в Будапештском университете в круг его интересов вошел русский язык.

Как и многих венгерских интеллектуалов тех лет, начинающего филолога увлекали рассказы о странствиях по восточным странам «хромого дервиша» – А. Вамбери, того, что искал в Центральной Азии следы древних венгров; и лекции приглашенного в Венгрию немецкого лингвиста Й. Буденца, учеником которого он стал [Вамбери 1865; Медведев 1878]. По примеру наставника, Мункачи старался не замыкаться на узкой специализации, в равной степени погружаясь в корпус алтайских, кавказских и индоевропейских языков, но более его занимали вопросы венгерской диалектологии. Буденц смог убедить многих влиятельных венгров в финно-угорском происхождении их языка, но сторонников точки зрения о тюркских корнях было не меньше [Korhonen 1987–1988]. «Тюрко-угорские войны» в венгерском языкознании и политике, невольным участником которых стал Мункачи, явно требовали притока качественных фактических данных, делая экспедицию необходимым элементом профессионального становления.

Первая поездка Мункачи и его товарища И. Куноша в поисках живого народного слова состоялась летом 1880 г. к венграм, говорящим на чангошском диалекте в Молдове. Знакомство с жизнью людей в самой что ни на есть натуральной обстановке наверняка указывало им верное направление работы, а именно: возможность собирать языковой материал в естественной среде его бытования. Пребывание в непосредственном контакте с носителями языка делало более понятным происхождение и применение тех или иных слов, идиоматических выражений и фольклорных произведений. Он писал: «Множество неудобных, опасных моментов сменялось минутами радости. Как бы то ни было, я исключительно рад успешно пройденному пути, поскольку, не считая привезенного нами ценного материала, я освоил большую науку, имя которой – практичность, приспособление к различным условиям и людям – я считаю, что смогу получить пользу от предстоящего, возможно, еще большего по важности пути» (цит. по: [Kozmács 2008, 188–189]). В этом понимании прошли его экспедиции к удмуртам и обским уграм, превращая трудолюбивого перспективного молодого ученого в самостоятельного увлеченного исследователя.

В конце апреля 1885 г., командированный Венгерской академией наук, Мункачи приехал в Казань, снискавшую заслуженную славу научного центра, через который шла дорога к родственным народам Востока [Загребин 2005]. За сорок лет до того по ней прошел А. Регули, чьи нерасшифрованные дневники стали легендой при жизни пионера венгерского финно-угроведения [Kodolányi 1968]. Но, прежде чем подступиться к западносибирским собраниям, он, очевидно, хотел получить опыт исследований в переходных условиях Волго-Камья,

где современные тенденции сосуществовали с развитой инфраструктурой народной традиции. Удачной представлялась ситуация с удмуртским языком, как писал Мункачи: «До сих пор сведения о вотяцком языке происходили, как правило, основываясь на переводных текстах, часто религиозных по содержанию. Оригинальные языковые данные в достаточном количестве появились лишь за два года до этого в издании Казанского миссионерского общества под названием “Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний” (цит. по: [Munkácsi 1883, 247])* . Кроме того, полиэтничный регион предоставлял ему возможность сопоставительных наблюдений над языками местных народов: и финно-угорского, и тюркского происхождения.

Наладив дружеские взаимоотношения с казанскими филологами и этнографами, Мункачи проштудировал все основные труды, касавшиеся предмета предстоявших ему изысканий, начиная с удмуртской грамматики Ф. И. Видеманна [Wiedemann 1851]. Он предусмотрительно заручился поддержкой директора Казанской учительской (иностранческой) семинарии Н. И. Ильминского, много лет готовившего миссионеров и учителей для распространения православного вероучения и грамотности среди народов Среднего Поволжья [Ислаев 2005]. Профессор Ильминский вскоре познакомил венгерского коллегу со своим учеником, семинаристом-удмуртом Н. И. Ивановым, которому предстояло стать экспедиционным проводником и переводчиком Мункачи [Подарок... 1983, 41–42]. Не меньшую помощь ему оказал ученый секретарь Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете С. К. Кузнецов, который в преддверии своего отъезда в Томск консультировал Мункачи как один из признанных в этнографическом сообществе специалистов по народной культуре восточных финнов [Попов 2005]. Известный библиофил, он обратил внимание молодого коллеги на новейшие публикации, касающиеся удмуртской этнографии, особо отметив работы Б. Гаврилова, Г. Н. Потанина и А. Ф. Риттиха [Кузнецов 1884; Риттих 1870]. С учетом исследовательского опыта и знания хитросплетений российской бюрократии, он помог Мункачи выстроить верную поведенческую парадигму в поездке, равно формируя круг его чтения до и после удмуртской экспедиции.

Маршрут экспедиции к удмуртам вел Мункачи от пристани уездного города Сарапула к первой длительной остановке в с. Люк. Далее был Мултан в Малмыжском уезде, откуда, повернув на север, он поехал в Зуру и Балезино к глазовским удмуртам. В Шаркане он познакомился с тогда еще помощником учителя, но через некоторое время ставшим священником и первым удмуртским писателем и этнографом Г. Е. Верещагиным, чьи труды были отмечены медалями Русского Географического Общества. Вернувшись в Сарапул, чтобы, переправившись на другой берег Камы, побывать в удмуртских деревнях на башкирских землях, он старался максимально широко охватить этнический и языковой ареалы удмуртов. Конечным этапом его трехмесячного путешествия

* В цитате автор указывает на сборник удмуртского фольклора – «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний Записаны, переведены и изложены Борисом Гавриловым во время его командировки в Вотяцкие селения Казанской и Вятской губерний». Издание православного миссионерского общества. – Казань: тип. А. А. Коковиной, 1880.

стала работа среди елабужских удмуртов, от которых он вернулся в Казань, сердечно простившись со своими помощниками.

Многому научился Б. Мункачи в поездке к удмуртам и важнее всего – методике работы в поле, поскольку на тот момент общепринятых моделей просто не существовало. Обычно процесс сбора языкового материала происходил следующим образом: после приезда на место ученый с помощью местного сопровождающего, если позволяло время, налаживал неформальные контакты со своими будущими информантами [Козмач, Егоров 2015]. Таким образом он поступил в с. Люк и его окрестностях, на родине Н. И. Иванова, где можно было остановиться надолго и опереться на родственные связи своего помощника. Сложно ему приходилось во время кратких остановок на два-три дня в удмуртских деревнях на Чепце, на Вятке, в языческих селениях на р. Буй и на Тойме, когда поиск общего фактора сводился к использованию тех рекомендательных писем, что были заранее подготовлены. Приходской священник или сельский учитель в таком случае брали на себя посреднические функции в поисках знатоков народного слова. Собиратель предварительно договаривался с информантами о том, чего он ожидает от них и какое вознаграждение они получают за «говoreние». Запись вели совместно ученый и его помощник, который затем последний формировал текст, придавая форму тому, с чем исследователь будет работать далее. Мункачи использовал еще такой прием: просил информанта рассказать, к примеру, сказку на русском языке (чтобы понять ее содержание), а потом под запись пересказать ее по-удмуртски. Он фиксировал имя и фамилию информанта, место жительства; о некоторых из них есть более подробные сведения в его дневнике. Наряду с записью фольклорных текстов, в блокноте Мункачи можно найти диалоги и отдельные выражения, которые можно отождествить с его попытками записать разговорный язык. Стремление к объективности собираемого языкового материала было подчеркнуто той тщательностью подбора информантов, с которой находились и мужчины разных возрастов, и девушки, не вступившие в брак, что обеспечивало качество записей. Согласно удмуртским традициям, жен брали замуж, как правило, из соседних деревень, из иных родов/воршудов. Соответственно, они могли быть носителями другой языковой культуры и духовной информации, нежели их мужья и дети.

Редкая работоспособность, неизбывный оптимизм и способность к анализу массы данных позволили Мункачи в короткий срок обработать обширный материал удмуртской экспедиции, что было непросто, беря в расчет отсутствие методики транскрибирования финно-угорских текстов, записанных со слов информантов. В итоге появились сборник произведений устного народного творчества удмуртов и – чуть позже – словарь удмуртского языка [Munkácsi 1887; 1890–1896]. Приобретенные навыки продвигали повзрослевшего ученого к главной цели: к скрытым под спудом непонимания фольклорно-лингвистическим собраниям А. Регули.

В марте 1888 г. Б. Мункачи отправился в длительную экспедицию в Западную Сибирь, имея при себе обеспечивающие понимание местных властей рекомендательные письма от влиятельных персон, включая напутствие академика-тюрколога В. В. Радлова. На северном Урале в Никито-Ивделе он впервые встречает

манси. Переезжая из одной деревни в другую, перемещаясь по Лозьве, Тавде, Конде и Пельуму, Мункачи постепенно проникал в запутанный мир «Регулианы», читая по следам мансийских песен и сказаний. В январе следующего года он останавливается в Березове, чтобы привести в порядок записи и расшифровки, удивляясь обилию текстов героического эпоса обских угров и медвежьего обрядового цикла [Munkácsi 1978]. Завершением пути продолжительностью полтора года стала остановка в полюбившейся ему Казани, где больше месяца Мункачи еще разбирал и систематизировал свои экспедиционные материалы. Масштаб проделанной им работы был настолько впечатляющим, что в год его 30-летия Мункачи был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук.

Дальнейшая судьба Б. Мункачи будет отмечена радостями и трудностями пусть не самой щедрой на деньги, но наполненной научными достижениями жизни. Хотя ему не удалось возглавить кафедру финно-угорского языкознания в Будапештском университете, но по качеству публикаций, их объему и новаторству подходов он превзошел многих ученых-современников. Будучи, прежде всего, лингвистом, Мункачи стремился увидеть в слове не просто форму, но смысл, включенный в культурный и социальный контексты. Интерес к народному быту, проявившийся с первой экспедиции, вошел в практическую плоскость в 1894 г., когда Венгерское этнографическое общество предложило ему стать соредактором журнала “Ethnographia”. Дело в том, что опираясь на опыт полевой работы, Мункачи нашел свою «этнографическую нишу», когда, в отличие от коллег, увлеченных изучением хозяйственных типов, он начал писать на темы обрядовой культуры и мифологии (см., напр.: [Munkácsi 1891; 1892; 1893]). В 1900 г. с другом юности И. Куношем он основал и редактировал журнал “Keleti Szemle” (Восточное обозрение), на страницах которого отразились его обско-угорские интересы и новое направление поиска, связанное с этноязыковыми контактами финно-угров и индо-иранцев [Munkácsi 1905; 1906; 1909]. Монографическое продолжение этих идей появится уже в следующем году в виде 700-страничного труда, посвященного индо-арийским и кавказским элементам в финно-угорских языках [Munkácsi 1901]. Еще ранее он обратил внимание на сравнительные перспективы финно-угорских и самодийских исследований [Munkácsi 1893]. Хотя новаторство Мункачи с сомнением было встречено венгерскими лингвистами тех лет, но время подтвердило, что он выбрал верное направление. Вместе с тем не расставался он и с тюркологической проблематикой, продолжая начатые в молодые годы этимологии и настойчиво выявляя древнетюркский пласт в венгерском языке, рассматривая слово в объеме истории и, по возможности, в этнографических реалиях. В компаративном и междисциплинарном подходе он видел залог успеха проводимых уже немало лет исследований в поисках угорской прародины [Munkácsi 1905]. К тому же в своем докладе в связи с избранием членом Венгерской академии наук он указывает на необходимость создания сравнительного словаря уральских и алтайских языков как верного средства для этнолингвистических изысканий.

Возвращение к удмуртам. Весной 1915 г. у ворот лагеря для военнопленных в местечке Кенермезё, вблизи г. Эстергом, появился пожилой интеллигент-

ный господин в гражданском костюме*. Переговорив с комендантом, он в сопровождении дежурного офицера прошел к бараку, в котором помещались пленные солдаты русской армии. К их приходу небольшая группа военнопленных была предварительно построена. К удивлению всех собравшихся, пожилой господин обратился к солдатам на удмуртском языке** (цит. по: [Мункачи 1983, 72]). Это был член Венгерской академии наук, профессор Бернат Мункачи.

Решением руководства Венгерской академии наук группа филологов и этнографов была ориентирована на работу с военнопленными*** (цит. по: [Volksbräuche... 1952]). Определяющую роль в записи народнопоэтических произведений и этнографических сведений в лагерях сыграл сам Мункачи, имевший дело преимущественно с удмуртами и его ученики: А. Клемм, работавший с мордвой, Э. Беке – с марийцами и Д. Р. Фокош-Фукс – с коми и коми-пермяками [Веке 1938; Fuchs 1915/1916; 1916/1917]. Параллельно с венграми, фиксацией финно-угорского фольклора в лагерях занимались специалисты Королевской Прусской Фонографической комиссии под руководством В. Дёгена и их коллеги из Австрии – этнолог Р. Пёх и композитор Р. Лаш [Денисов, Загребин 2015, 131]. Война еще не утихла, когда из печати вышли два сборника, содержащих предварительный анализ марийских, чувашских, эстонских, мордовских, коми-зырянских и коми-пермяцких песен [Lach 1917; 1918]. Основная расшифровка, перевод и публикация колоссального по объему рукописного материала начались в послевоенные годы [Lach 1926]. Прерываясь на годы ввиду нехватки средств и на периоды нездоровья мастера, работа с текстами тем не менее про-

* Лагерь в Кенермезё был открыт 27 августа 1914 г. и скоро стал крупнейшим местом заключения пленных солдат и офицеров стран Антанты в Австро-Венгрии. Если в декабре 1914 г. в лагере находилось 4787 военнопленных и 605 интернированных лиц, то к январю 1916 г. число пленных только из русской армии достигло 12 868 человек. Общая численность лагеря для военнопленных на заключительном этапе Первой мировой войны колебалась от 30 000 до 100 000 человек.

** Б. Мункачи описал первую встречу с военнопленными так: «Волнение величайшей степени отразилось на их лицах. Я приветствовал их по-удмуртски «Ӝеч на-а!» («Как себя чувствуете?»), на что мне ответили: «Ӝеч!» («Хорошо!»). Настроение немного спало от нашей шумной речи. «Ребята, не бойтесь, – говорю, – ничего плохого с вами не будет!» – «Солдат не боится», – прозвучал ответ одного из удмуртов. Затем я усадил их на скамью и начал с ними говорить. Рассказал им, как в молодости ездил на их родину и кто был тогда моими помощниками – мастерами удмуртского языка; расспросил, не знают ли они их. Затем показал свои удмуртские издания и прочитал из народнопоэтических собраний одну сказку и одну песню. Это произвело на удмуртов хорошее впечатление, они стали держаться уверенно, заявив, что тоже знают такие песни и сказки и готовы их рассказать».

*** Профессор Д. Р. Фокош-Фукс впоследствии писал: «Для нас стало большой новостью, что уже в первый год мировой войны среди многочисленных русских военнопленных, размещенных преимущественно в лагере в Эстергоме, были солдаты, родной язык которых, как удалось установить, был одним из финно-угорских или тюркских. Таким образом, появилась возможность изучать языки военнопленных здесь на месте. Венгерская Академия наук сделала все возможное, чтобы использовать этот благоприятный случай для изучения финно-угорских и тюркских народов. К счастью, военная администрация быстро пошла навстречу и предоставила доступ лингвистов к упомянутым категориям военнопленных».

должалась и после смерти Мункачи. Оцифровка звуковых коллекций, записанных на восковых валиках и шеллаковых пластинках, продолжается по сей день.

Небезынтересно, каким образом была построена исследовательская деятельность в таком, казалось бы, далеком от науки месте, как лагерь для военнопленных. К счастью, Б. Мункачи подробно описал свою методику в подробных отчетах Венгерской академии наук. Согласно первоначальному плану, он должен был приступить к занятиям с военнопленными в марте 1915 г., но вспыхнувшая в лагере эпидемия вынудила отложить их до конца весны. Новая трудность обнаружилась уже на месте: из 39 военнопленных-удмуртов, значившихся по списку, в лагере оказалось только 11. Остальных отправили на сельскохозяйственные работы в разные комитаты Венгрии. Тем не менее, Мункачи, сняв квартиру в Эстергоме, с 7 часов утра приступал к работе и с часовым перерывом на обед трудился примерно до 5 часов пополудни. К радости ученого, пять информантов были грамотными и вскоре начали самостоятельно записывать со слов товарищей тексты песен, легенд и сказаний. Такая постановка дела позволяла Мункачи отлучаться для исполнения обязанностей школьного инспектора.

После летнего отдыха он вновь приезжает в Эстергом, в конце августа 1915 г., и работает с военнопленными до января следующего года по 3 дня в неделю, стараясь уделять больше внимания носителям разных диалектных форм языка из разных губерний. Такая возможность появилась в ноябре-декабре с прибытием в лагерь новых пленных, среди которых были удмурты, после оставления русскими войсками Польши и Галиции. Но прежде, не желая снижать набранных темпов, он убеждает военную администрацию разрешить перевод в Будапешт своих информантов, трудоустраивает их на газораспределительную станцию, продолжает работу с удмуртскими текстами. Третий период пребывания Мункачи в лагере охватывает время с ноября 1916 г. до начала 1917 г., после чего весной он переключается на сбор осетинских материалов.

Около двух лет, с весны 1915 г. до весны 1917-го, продолжалась работа Б. Мункачи с военнопленными-удмуртами, многие из которых стали его добрыми знакомыми. В распоряжении ученого оказалась «...колоссальная источниковая база, кажется, почти по всем группам удмуртов и отражающая едва ли не исчерпывающе духовную сферу жизнедеятельности удмуртского этноса конца XIX – начала XX века» [Владыкин 1987, 27–28]. Финно-угроведа интересовало всё: песни, сказки, мифы, легенды, предания, загадки, пословицы, приметы, поверья, заговоры, рассказы этнографического и бытового содержания. Богатый материал, собранный им за многие годы, включая записи военнопленных, отражён в книге «Народные обычаи и народная поэзия удмуртов», опубликованной уже после Второй мировой войны [Volksbräuche..., 1952]. Заслуга публикации столь значимого труда принадлежит ученику Мункачи – Д. Р. Фокошу-Фуксу. В сфере его ответственности были фольклорные тексты военнопленных-коми и коми-пермяков. Позже эти собрания будут объединены Р. Лахом с удмуртскими и изданы отдельным томом [Lach 1926]. Сопроводительные материалы к звукозаписям Фонограммархива Австрийской Академии наук показали, что, кроме венгерских ученых, записи удмуртов в Будапеште осенью 1917 г. вел так-

же Р. Пёх. Всего им было записано 8 восковых дисков, на которых звучит более 20 песен и коротких рассказов. Рукописи Пёха хорошо сохранились, но пока не опубликованы, а сами записи на восковых дисках к настоящему времени уже переведены в цифровой формат.

При проведении записей австро-венгерские ученые документировали весь процесс: на каждого военнопленного заводили «сопроводительный лист», в котором указывались место рождения информанта, а также данные его родителей, национальность, профессия, уровень грамотности, религиозная принадлежность, дата записи, лагерь и жанр исполняемого произведения. Иногда на этих же листах приводилась письменная расшифровка текста песни или рассказа. В тех случаях, когда информант был грамотным, он сам заранее писал текст, который предстояло зафиксировать. На основе анализа работ Р. Лаха и Б. Мункачи, а также рукописных материалов, имеющих отношение к записям Р. Пёха, составлен общий список военнопленных-удмуртов, участвовавших в 1915–1918 гг. в звукозаписях на территории Австро-Венгрии [Денисов 2014, 177–179]. Удалось также уточнить названия населенных пунктов, откуда призывались информанты, с их привязкой к современным муниципальным образованиям.

Сейчас, когда нас отделяет от тех событий более ста лет, многое видится иначе, может быть не столь эмоционально, включая проблемы научной этики и ответственности исследователя перед информантами. В случае с Бернатом Мункачи все выглядит достойно – он помогал своим помощникам получать дополнительный паек, добивался перевода на более легкие работы, что в условиях плена было немаловажно. Мункачи вселял в них веру в ценность их народной культуры, и, в конечном счете, жизни и человеческого достоинства.

ЛИТЕРАТУРА

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.

Владыкин В. Е. Бернат Мункачи и вопросы удмуртской этнографии // Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987. С. 25–34.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: тип. А. А. Коковиной, 1880.

Денисов А. Мынам плэнись пекземе. (Как я бежал из плена) Казань: Третья государственная типография, 1919.

Денисов В. Н. История одного «невоенного» проекта: фонографические и граммафонные записи военнопленных-удмуртов в 1915–1918 гг. в Австро-Венгрии и Германии // Удмуртский край в годы Первой мировой войны. Ижевск. 2014. С. 171–185.

Денисов В. Н., Егоров А. В., Загребин А. Е., Шереш А. Записи удмуртских военнопленных 1915–1918 гг. в фондах фонограммархива Австрийской академии наук // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. № 4. С. 122–132.

Денисов В. Н., Загребин А. Е. «Забытые голоса» Первой мировой войны // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 130–136.

Денисов В. Н., Загребин А. Е. Из истории фонографических и граммафонных записей российских военнопленных в Австро-Венгрии и Германии в годы Первой мировой войны // Сибирский филологический журнал. 2015. Вып. 4. С. 23–28.

Загребин А. Е. Казань как центр финно-угорской этнографии // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Том. 22. С. 96–117.

Загребин А. Е. Образы Первой мировой войны в сознании удмуртского этнического сообщества // *Российская история*. 2016. № 2. С. 187–193.

Ившин Л. М. Особенности языка очерка А. Денисова «Мынам плэнись пекземем» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. Вып. 2. С. 64–69.

Ислаев Ф. Г. К вопросу об исторических предпосылках системы Н. И. Ильминского // *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Том. 22. Р. 51–59.

Козмач И., Егоров А. В. Бернат Мункачи и начало полевых работ в венгерской лингвистике // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. № 9 (104). С. 171–176.

Кузнецов С. К. Заметки по поводу реферата Г. Н. Потанина «У вотяков Елабужского уезда» // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1884. Т. 3. С. 411–419.

Медведев П. П. Нечаянное знакомство с А. Вамбери // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 1878. Вып. 2. С. 63–66.

Мункачи Б. В лагере военнопленных в Эстергоме // Подарок Мункачи. Песни и сказания. Ижевск: Удмуртия. 1983. С. 72.

Подарок Мункачи. Песни и сказания / Сост. и автор предисловия А. Н. Уваров. Ижевск: Удмуртия, 1983.

Попов Н. С. Вклад С. К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // *Финно-угроведение*. 2005. № 1. С. 58–78.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870.

Beke Ö. *Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern*. Helsinki. 1938.

Daniss Gy. „Votják földemet bizony nem láthattam” // URL: <http://nol.hu/kultura/votjak-foldemet-bizony-nem-lathattam-1497175> (дата обращения: 20.09.2018).

Fuchs D. R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifoglyokkal való nyelvi tanulmányairól // *Keleti Szemle*. 1916/1917. Kt. XVII. 228–230. old.

Fuchs D. R. Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében // *Keleti Szemle*. 1915/1916. Kt. XVI. 261–262. old.

Kodolányi (jr) J. Antal Reguly // *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*. Budapest, 1968. P. 17–26.

Korhonen M. Budenz József tudományos eredményei a mai nyelvészet szemszögéből // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1987–1988. Kt. 89. 121–122. old.

Kozmács I. Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udмуртфöldi útja. Pozsony: AB-ART, 2008. 188–189. old.

Kozmács I. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas, 2010.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917*. Wien. 1918.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916*. Wien. 1917.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener*. I B. *Finnisch-ugrische Völker*. 1. Abteilung. *Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge*. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien und Leipzig. 1926.

Munkácsi B. A magyar őshaza kérdése // *Ethnographia*. 1905. 93–108. old.

Munkácsi B. A medveeskü népszokása a voguloknál // *Hunfalvy-Album*. 1891. 113–136. old.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Kt. I–IV. 1890–1896.

- Munkácsi B.* A votjások közt // Ethnographia. 1892. 93–108. old.
- Munkácsi B.* Adalékok az ugor-szamojéd nyelvhasználatához // Nyelvtudományi Közlemények. 1893. Kt. 23. 87–93. old.
- Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Budapest, 1901.
- Munkácsi B.* Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen // Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae. 1978. Tom. 27. S. 151–200.
- Munkácsi B.* Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie (IV.) // Keleti Szemle. 1909. Kt. X. S. 61–83.
- Munkácsi B.* Götzenbilder und Götzengeister im Volksglauben der Wogulen (I–II.) // Keleti Szemle. 1906. Kt. VII. S. 89–115, 177–226.
- Munkácsi B.* Seelenglaube und Totenkult der Wogulen // Keleti Szemle. 1905. Kt. VI. S. 98–132.
- Munkácsi B.* Über die heidnische Religion der Wogulen // Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn. Budapest, 1893.
- Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887.
- Munkácsi B.* Votják nyelvtanulmányok // Nyelvtudományi Közlemények. 1883. Kt. 17. 247. old.
- Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 1952. Vol. 102.
- Wichmann Y.* Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1930. Vol. 44. S. 10–19.
- Wiedemann F. J.* Grammatik der Wotjakischen Sprache. Reval, 1851.
- Zagrebin A., Šmigel' M., Žerebtsov I.* „Zabudnuté hlasy“ prvej svetovej vojny: fonografické nahrávky vojnových zajatcov v Rakúsko-Uhorsku a Nemecku (1915–1918) na príklade zajatých Udmurtov. Muzeológia a kultúrne dedičstvo 2017. Vol. 5. № 1. S. 29–42.

Поступила в редакцию 09.08.2018

Егоров Александр Викторович,

кандидат филологических наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: egorov@udman.ru

Загребин Алексей Егорович,

доктор исторических наук, профессор РАН,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: zagreb72@izh.com

A. V. Yegorov, A. Ye. Zagrebin

Bernát Munkácsi, War, Peace and the Finno-Ugric Studies

The article discusses the history of the scientific research by the famous Hungarian scientist Bernát Munkácsi, starting with the earliest of his expeditions. The first scientific trip of B. Munkácsi and I. Kúnos took place in the summer of 1880 at the Chango Hungarians in Moldova. The route of the expedition to the Udmurts led Munkácsi from the city of Sarapul through Luke in Multan, Zura, Balezino to the Glazov Udmurts. Having visited the Udmurt villages in the Bashkir lands, he tried to cover the ethnic and linguistic range of the Udmurts as widely as possible. The final stage of his three-month journey was work among the Udmurts in Elabuga. In March 1888 Munkácsi set off on a long expedition to Western Siberia to the Ob-Ugrians. A special place in the article takes the analysis of the anthropological and ethnographic studies of prisoners-of-war by the Austro-Hungarian and German scientists in the First World War. They have made recordings of folk-language materials on prisoners informants using recording equipment (1915–1917). The Udmurt recordings were the most extensive among the Finno-Ugric peoples. The undoubted merit in it belongs to the prominent linguist and ethnographer, academic Bernát Munkácsi.

Keywords: Bernát Munkácsi, First World War, Austria-Hungary, prisoners-of-war, Udmurts, sound recordings, folk materials, linguistic materials, Phonogram-Archive.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 4, pp. 65–79. In Russian.

REFERENCES

Vamberi A. *Puteshestviye po Srednej Azii* [Travel in Central Asia]. Sankt-Peterburg, 1865. In Russian.

Vladykin V. J. Bernat Munkacsi i voprosy udmurtskoj etnografii [Bernát Munkácsi and questions of Udmurt ethnography]. *Vengerskie uchjonye i permskaja filologija* [Hungarian scientists and Permian philology]. Ustinov, 1987. Pp. 25–34. In Russian.

Gavrilov B. *Proizvedeniya narodnoj slovesnosti, obrjady i poverja votjakov Kazanskoj i Vjatskoj gubernij* [Works of folk literature, rituals and beliefs of the Kazan and Vyatka provinces]. Kazan: tip. A. A. Kokovinoj, 1880. In Russian.

Denisov A. *Mynam plenis' pekzeme* [My escape from captivity]. Kazan: Tretja gosudarstvennaja tipografija, 1919. In Udmurt.

Denisov V. N. Istorija odnogo “nevoennogo” proekta: fonograficheskie i grammofonnye zapisi voennoplennykh-udmurtov v 1915–1918 gg. v Avstro-Vengrii i Germanii [The story of one “non-military” project: phonographic and gramophone records of Udmurt prisoners of war in 1915–1918 in Austria-Hungary and Germany]. *Udmurtskij kraj v gody Pervoj mirovoj vojny* [The Udmurt region during the First World War]. Izhevsk, 2014. Pp. 171–185. In Russian.

Denisov V. N., Yegorov A. V., Zagrebin A. E., Seres A. Zapisi udmurtskikh voennoplennykh 1915–1918 gg. v fondakh fonogrammarkhiva Avstrijskoj akademii nauk [Recordings of the Udmurt Prisoners-of-War between the years 1915–1918 in the Funds of the Phonogram-Archive of the Austrian Academy of Sciences]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, no. 4, pp. 122–132. In Russian.

Denisov V. N., Zagrebin A. E. «Zabytye golosa» Pervoj Mirovoj vojny [“Forgotten voices” of the First World War]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2015, no. 10, pp. 130–136. In Russian.

Denisov V. N., Zagrebin A. E. Iz istorii fonograficheskikh i grammofonnykh zapisej rossijskikh voennoplennykh v Avstro-Vengrii i Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny [On the history of phonographic and gramophone recordings of Russian prisoners of war in Austria-Hungary and Germany during the First World War]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 4, pp. 23–28. In Russian.

Zagrebin A. E. Kazan kak tsentr finno-ugorskoj etnografii [Kazan as the center of Finno-Ugric ethnography]. *Studia Slavica Finlandensia*, 2005, vol. 22, pp. 96–117. In Russian.

Zagrebin A. E. Obrazy Pervoj mirovoj vojny v soznanii udmurtskogo etnicheskogo soobshchestva [Images of the First World War in the minds of the Udmurt ethnic community]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2016, no. 2, pp. 187–193. In Russian.

Ivshin L. M. Osobennosti jazyka ocherka A. Denisova “Mynam plenis’ pekzeme” [Features of the language of the essay by A. Denisov “Mynam plenis’ pekzeme”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, no. 2, pp. 64–69. In Russian.

Islaev F. G. K voprosu ob istoricheckikh predposylkakh sistemy N. I. Il’minskogo [On the question of the historical background of the N. I. Ilminsky’s system]. *Studia Slavica Finlandensia*, 2005, vol. 22, pp. 51–59. In Russian.

Kozmács I., Yegorov A. V. Bernat Munkácsi i nachalo polevykh rabot v vengerskoj lingvistike [Bernát Munkácsi and the start of field work in Hungarian linguistics]. *Izveztija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 9 (104), pp. 171–176. In Russian.

Kuznetsov S. K. Zаметki po povodu referata G. N. Potanina “U votjakov Jelabuzhskogo ujezda” [Notes about the G. N. Potanin’s abstract “At the votyaks of Elabuga district”]. *Izvestija Obshestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the University of Kazan], 1884, no. 3, pp. 411–419. In Russian.

Medvedev P. P. Nechajannoe znakomstvo s A. Vamberi [Unexpected familiarity with A. Vambery]. *Izvestija Obshestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the University of Kazan], 1878, no. 2, pp. 63–66. In Russian.

Munkácsi B. V lagere voennoplennykh v Estergome [In the prison camp in Esztergom]. *Podarok Munkácsi. Pesni i skazaniya* [Munkácsi’s gift. Songs and Legends]. Izhevsk, 1983. P. 72. In Russian.

Podarok Munkácsi. Pesni i skazaniya [Munkácsi’s gift. Songs and Legends]. Sostavitel’ i avtor predisloviya A. N. Uvarov [Compiled and prefaced by A. N. Uvarov]. Izhevsk, 1983. In Russian.

Popov N. S. Vklad S. K. Kuznetsova v izuchenie traditsij marijitsev i udmurtov [The contribution of S. K. Kuznetsov in the study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 2005, no. 1, pp. 58–78. In Russian.

Rittikh A. F. *Materialy dlja etnografii Rossii: Kazanskaja gubernija* [Materials for ethnography of Russia: Kazan Governorate]. Kazan, 1870. In Russian.

Beke Ö. *Finnisch-ugrische Sprachstudien in ungarischen Kriegsgefangenenlagern* [Finno-Ugric language studies in Hungarian Prisoners-of-War camps]. Helsinki. 1938. In German.

Daniss Győző. „Votják földemet bizony nem láthattam” [„I could not see my Votyak land“]. URL: <http://nol.hu/kultura/votjak-foldemet-bizony-nem-lathattam-1497175>. In Hungarian.

Fuchs D. R. *Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifoglyokkal való nyelvi tanulmányairól*. [A letter by Dr. David Rafael Fuchs about his language studies with Zyryan prisoners-of-war] *Keleti Szemle*. 1916/1917. Kt. XVII. 228–230. old. In Hungarian.

Fuchs D. R. *Fuchs Dávid Rafael dr. levele zürjén hadifogoly-tanulmányok ügyében* [A letter by Dr. David Rafael Fuchs about his studies with Ziryán prisoners-of-war]. *Keleti Szemle*. 1915/1916. Kt. XVI. 261–262. old. In Hungarian.

Kodolányi (jr) J. Antal Reguly. *Popular beliefs and folklore tradition in Siberia*. Budapest, 1968. P. 17–26. In English.

Korhonen M. Budenz József tudományos eredményei a mai nyelvészet szemszögéből [The scientific achievements of József Budenz from the point of view of contemporary linguistics]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1987–1988. Kt. 89. 121–122. old. In Hungarian.

Kozmács I. Megvalósult gyermekálmom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja [A childhood dream coming true. Bernát Munkácsi's trip to Udmurtia]. Pozsony: AB-ART, 2008. 188–189. old. In Hungarian.

Kozmács I. *The life of Bernát Munkácsi*. Budapest: Pytheas, 2010. In English.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August bis Oktober 1917*. Wien. 1918. In German.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener im August und September 1916*. Wien. 1917. In German.

Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. I. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge*. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. Wien und Leipzig. 1926. In German.

Munkácsi B. A magyar őshaza kérdése. [The question of the ancient Hungarian homeland] *Ethnographia*. 1905. 93–108. old. In Hungarian.

Munkácsi B. A medveeskü népszokása a voguloknál [The custom of the bear oath in the Vogul community]. *Hunfalvy-Album*. 1891. 113–136. old. In Hungarian.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára [Dictionary of the Votyak language]. Kt. I-IV. 1890–1896. In Hungarian.

Munkácsi B. A votjákok közt [Among Votyaks]. *Ethnographia*. 1892. 93–108. old. In Hungarian.

Munkácsi B. Adalékok az ugor-szamojéd nyelvhasználatához [Additions to the Ugric-Samoyedic language comparison]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1893. Kt. 23. 87–93. old. In Hungarian.

Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben [Aryan and Caucasian elements in the Finnish-Hungarian languages]. Budapest, 1901. In Hungarian.

Munkácsi B. Bericht über meine linguistische Studienreise im Lande der Wogulen. *Acta Ethnographica Academiae scientiarum Hungaricae*. 1978. Tom. 27. S. 151–200. In German.

Munkácsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie (IV.). *Keleti Szemle*. 1909. Kt. X. S. 61–83. In German.

Munkácsi B. Götzenbilder und Götzengeister im Volksglauben der Wogulen (I–II.). *Keleti Szemle*. 1906. Kt. VII. S. 89–115, 177–226. In German.

Munkácsi B. Seelenglaube und Totenkult der Wogulen. *Keleti Szemle*. 1905. Kt. VI. S. 98–132. In German.

Munkácsi B. Über die heidnische Religion der Wogulen. *Ethnologische Mitteilungen aus Ungarn*. Budapest, 1893. In German.

Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok [Traditions of Votyak folk poetry]. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. In Hungarian.

Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok [Votyak language studies]. *Nyelvtudományi Közlemények*. 1883. Kt. 17. 247. old. In Hungarian.

Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1952. Vol. 102. In German.

Wichmann Y. Wirkungen des Weltkriegs auf die finnisch-ugrische Völker und ihre wissenschaftliche Erforschung. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1930. Vol. 44. S. 10–19. In German.

Wiedemann F. J. *Grammatik der Wotjakischen Sprache*. Reval, 1851. In German.

Zagrebin A., Šmigel' M., Žerebtsov I. „Zabudnuté hlasy“ prvej svetovej vojny: fonografické nahrávky vojnových zajatcov v Rakúsko-Uhorsku a Nemecku (1915 – 1918) na príklade zajatých Udmurtov. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2017. Vol. 5. № 1. S. 29–42. In Slovak.

Received 09.08.2018

Yegorov Aleksandr Viktorovich,

Candidate of Sciences (Philology),

Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS

4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation

e-mail: egorov@udman.ru

Zagrebin Aleksey Yegorovich,

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS,

Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS

4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation

e-mail: zagreb72@izh.com